

УДК 81.161

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПОНЯТИЯ ТЕКСТА В МАКРОЛИНГВИСТИКЕ

Лыткина О. И.

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Статья посвящена проблемам исследования текста в современной лингвистике, которая характеризуется как макролингвистика. Автор анализирует различные подходы в определении текста, обращается к вопросу многообразия его типологии и критериев выделения. Сопоставив современное понимание текста с такими понятиями, как миф, концепт, автор приходит к выводу об универсальности понятия текста в современной гуманитарной науке.

Ключевые слова: макролингвистика, текст, миф, концепт, автор, сверхтекст, текст-примитив.

Постановка проблемы. Характерная особенность современной лингвистики – интеграция разных подходов в исследовании языковых единиц, объясняемая тем, что сходный круг проблем оказывается в фокусе внимания представителей разных школ, направлений и даже разных наук. Такую лингвистику Ф. М. Березин назвал макролингвистикой [1]. Как следствие, многие традиционные языковедческие понятия подверглись переосмыслению, в частности, это касается термина «текст». Текст стал трактоваться как функция в контексте других текстов и интерактивном диалоге с ними, а изолированный текст стал считаться научной фикцией. Отсюда обозначение термином «*текст*» очень широкого круга явлений; текстом, по сути, может называться любая содержательная сущность: совокупность текстов, словарь, библиотека, композиционная группа, жанр, литература, культура и т.д. Наконец, сама действительность может быть выступать как текст, ср.: «Мир выступает перед нами как текст. Через доступные нашему сознанию тексты мы взаимодействуем с миром. Всматриваясь в глубины своего сознания, мы и себя начинаем воспринимать как текст» [2, с. 83]. Включение в понятие текст широкого круга явлений стало предпосылкой появления новых лингвистических направлений, например, изучения *сверхтекста (X-текста), гипертекста, интертекста, архитекста* и др.

Установление макролингвистической дефиниции термина «текст» через анализ различных подходов его определения современными лингвистическими направлениями составляет **задачу** данной статьи.

Одними из первых в исследовании сверхтекста стали работы В. Н. Топорова. Ученый определяет сверхтекст как «совокупность высказываний, текстов, ограниченную темпорально и локально, объединенную содержательно и ситуативно, характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [6, с. 215]. В. Н. Топоров устанавливает следующие критерии выделения сверхтекста: 1) наличие образно и тематически обозначенного центра, фокусирующего объект, который в системе внетекстовые реалии – текст

предстает единым концептом, например, таким концептом для топологических текстов является конкретный локус в единстве его историко-культурно-географических характеристик; 2) наличие и знание читателем относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста в целом, определяющих законы формирования его художественного языка и тенденции его развития; 3) синхроничность (своего рода симультанность, являющаяся необходимым условием восприятия сверхтекста в его текстовом качестве и столь же необходимым требованием при аналитическом описании, воссоздании того или иного сверхтекста); 4) смысловая цельность, возникающая в месте встречи текста и внетекстовой реалии; 5) общность художественного кода; 6) открытость, подразумевающая одновременно устойчивость и подвижность границ сверхтекста [6]. Как показывает представленный выше материал, основными свойствами сверхтекста, как и текста в традиционном понимании, остаются цельность и связанность.

Первые исследования сверхтекста были выполнены на материале «Петербургского текста», позднее были описаны «Московский», «Крымский», «Итальянский», «Венецианский», «Лондонский», «Алтайский», «Кавказский», «Белорусский», «Уральский» тексты, ряд «провинциальных» текстов (например: «Пермский», «Архангельский», «Вятский», «Челябинский», «Петрозаводский» и др.), «Аполлоновский», «Пушкинский», «Шукшинский», «Шекспировский» тексты в русской литературе, предприняты попытки описать публицистический сверхтекст, «толстый» журнал, художественную прозу о войне, политические лозунги, «ночную» поэзию, игровой обряд как сверхтекст, «пасхальный текст», «дачный текст» и т. д.

Подход к тексту «от содержания» лежит в основе и теории примитивного текста [5]. Текст-примитив является базисным для любой речевой деятельности и является членом парадигмы текстов, объединенных одним из вариантов цельности. Разновидности текста-примитива – детская речь, речь иностранцев, речь больных афазией, реклама, вывески, заглавия книг, спектаклей, кинофильмов и т. п., реплики в разговорной речи, планы, рубрики в каталогах, наборы ключевых слов, ассоциативные реакции и др. Для текста-примитива важным является универсальность его структуры независимо от видов деятельности, в которых он образуется. Определяющим свойством текста-примитива является цельность, а только потом связанность. Основные виды связанности в текстах-примитивах, дающие простейшее представление цельности – перечисление, цепочка, куст. В зависимости от особенностей структурной организации тексты-примитивы подразделяются на а) отдельные слова-тексты; б) различного рода наборы ключевых слов; в) грамматически оформленные неоднословные предложения-тексты; г) различного рода осложненные предложения-тексты; д) развернутые тексты различной степени сложности [5, с. 228].

Даже поверхностное сопоставление теории примитивного текста и учения о сверхтексте свидетельствует о тождестве данных терминов.

В рамках нашего исследования представляется целесообразным обращение к понятию литературоведческого мифа. Литературоведческим мифом в настоящее время обозначают некое устойчивое начало, которое варьируется в текстах разных картин мира. В этом случае далеко не всякое художественное произведение,

содержащее формальные признаки мифа, будет литературоведческим мифом. Литературоведческая мифологизация осознается при условии повторяемости, необходимой для сохранения смысла, как бы существующего как чистый феномен над взятым отдельно конкретным текстом или творчеством отдельного автора. Литературный миф не строгое сюжетное построение, а некое объединение общих символов, мотивов, образов, фабул, конфликтов, созданных разными авторами в разное время, но ставшими традиционными. Эволюция литературного мифа включает в себя стадию осознания объективной реальности и ее оценивания; осознания и усвоения действительности, сотворенной другими; установление соответствия между «своим» осознанием и «чужим»; наконец, создание собственного произведения с сохранением общих установок. Таким образом, происходит своеобразное обновление, привнесение своих открытий в форму и содержание, что имеет возможность закрепиться в сознании других и повториться в других произведениях. На данный момент накоплен достаточно большой опыт в исследовании авторских (Лермонтовский, Пушкинский и др.) и топосных (Кавказский, Барнаульский и др.) литературоведческих мифов. Если перевести все вышесказанное о литературоведческом мифе на язык лингвистики, то мы получим основные положения теории сверхтекста.

Ученые обращаются к термину «текст» и при описании структуры концепта. Концепт – «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [4, с. 159]. Структура концепта представляет собой совокупность образных, информационных, интерпретационных, ценностных, понятийных, исторических, ассоциативных, общечеловеческих, общенациональных, групповых, региональных (локальных), индивидуальных и др. признаков, т.е. своеобразный текст ментального характера. Ю. Е. Прохоров по этому поводу пишет: «... любая совокупность именованных концепта – невербальным, лексическим способами, использованием устойчивых конструкций и т. п. – образует текст (выделение наше – О. Л.), под которым мы понимаем совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей лингвокультурной общности. Этот текст может быть как угодно широк: в него входят и исторически сложившиеся элементы и элементы, связанные с правилами сегодняшнего дня; в нем есть элементы, относящиеся ко всем типам коммуникативных пространств, в которых личность вступает в общение средствами данного языка (от планетарного до личного пространства)» [4, с. 142-143].

На текстовый характер не только концепта, но и всей концептуальной системы указал Р. И. Павиленис: «“Выделение” определенной структуры концептов из множества других можно рассматривать как выбор определенного осмысленного “текста” (в широком информационном понимании этого термина) из множества других осмысленных (т.е. интерпретируемых в данной концептуальной системе) “текстов” в качестве “принимаемого” индивидом “текста”, образующего ориентационную основу его отношения к миру, в частности основу его веридиктного отношения к действительности.

...С нашей точки зрения, изменение мнения индивида обосновано рассматривать как отказ от определенной “выделенной” структуры в пользу другой, в равной мере осмысленной (интерпретируемой в данной системе) структуры, в пользу другого “текста”. Множество таких “выделенных” и взаимосвязанных (отношением интерпретации) и связанных с “концептуальной картиной мира” или “системой мнений носителя языка”» [3, с. 209].

Выводы. Круг явлений, называемых одной из разновидностей текста, может быть сколь угодно широк, в этом отношении представленный обзор далеко не является исчерпывающим. Текстом в широком смысле можно назвать все, что обладает базовыми свойствами – цельностью и связанностью.

Список литературы

1. Березин Ф. М. О парадигмах в истории языкознания XX в. / Ф. М. Березин // Лингвистические исследования в конце XX в.: [сб. обзоров]. – М., 2000. – С. 9-25.
2. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье / В. В. Налимов. – М.: Прогресс–Традиция, 2000. – 344 с.
3. Павленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
4. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
5. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 221-237.
6. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб., 2003. – 612 с.

Литкіна О. І. Універсальність поняття тексту у макролінгвістиці // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. Частина 2. – С.312-315.

Стаття присвячена проблемам дослідження тексту у сучасній лінгвістиці, котра характеризується як макролінгвістика. Автор аналізує різні підходи к відзначенню тексту, звертається к питанню многообразія його типології та критерій виділення. Сопоставив сучасне поняття тексту з такими поняттями, як міф, концепт, автор приходе к виводу об універсальності поняття тексту у сучасній гумантарній науці.

Ключові слова: макролінгвістика, текст, міф, концепт, автор, свертхтекст, текст-примітив.

Lytkina O. I. **Universality of the definition of the text in macrolinguistics** // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V. 24 (63). – № 4. Part 2. – P.312-315.

The article covers the problems of studying the text in modern linguistics, which is characterized as macrolinguistics. The author analyses different approaches of the definition of the text, adresses to the question of variety of its typoligy and criterion of the separation. Having compared the modern understanding of the text with such notions as archetype, myth, concept, the author comes to the conclusion that the notion of the text is versatile in the modern science pertaining to the humanities.

Key words: makrolinguistic, text, myth, concept, author, extratext, text-prymytyv.

Поступила в редакцію 04.10.2011 г.